

Командировка с Константином Симоновым

Конечно же, наши читатели помнят подвиг комсомольца Анатолия Мерзлова, о котором писала «Комсомольская правда» сразу же после его героического поступка, помнит и очерк Константина Симонова, посвященный «отличному трактористу».

К публикации этих материалов имеет прямое отношение бывший заведующий отделом нашей газеты, ныне корреспондент «Комсомольской правды» Арнадий Пальм.

Публикуя этот материал о Константине Михайловиче Симонове, мы отдаем дань уважения памяти безвременно ушедшего из жизни выдающегося советского писателя, гражданина, коммуниста.

С КОНСТАНТИНОМ Симоновым мы познакомилась при таких обстоятельствах. Я дежурила по номеру «Комсомольской правды», когда принесли в отдел постановления бюро ЦК ВЛКСМ, в котором говорилось о занесении в Книгу почета ЦК ВЛКСМ за самоотверженность, мужество и героизм, проявленные при спасении урожая и сельскохозяйственной техники, Мерзлова Анатолия Алексеевича — члена ВЛКСМ, механизатора колхоза им. Чапаева Михайловского района Рязанской области (посмертно).

Была июльская ночь 1972 года.

Через несколько дней мы уже знали подробности того, что случилось на хлебном поле.

А еще через несколько дней в редакцию стали поступать письма-отклики на заметку о подвиге А. Мерзлова. Одно из них мы отло-

началась встреча, сказал:

— Братцы, какой из меня аграрник!

Ему на это ответили:

— Константин Михайлович, а мы чисто аграрными вопросами не занимаемся, нас интересуют люди.

Потом Симонов читал письма. Родилась идея поехать в Прудские Выселки на место происшествия и написать обо всем. Симонов охотно согласился. Оставалось договориться о сроках. Дело в том, что в Дрездене открывалась выставка его книг... Параллельно он был занят на съемках фильма о Вьетнаме. Выкроить день-другой до отъезда в ГДР не мог. Решили, что когда вернется, тогда и съездит. Ехать с ним поручили мне.

10 СЕНТЯБРЯ Симонов прилетел в Москву и буквально с аэродрома позвонил в редакцию, мол, готов стать в командировку.

И вот в шесть утра я был у него дома, на седьмом этаже в квартире по улице Чернышевского.

Константин Михайлович переспросил, не сказал ли я местному начальству, что мы едем. Я ответил, что «конспирация» полная. В самом деле, никто не ожидал, что специальным корреспондентом «Комсомолки» будет Симонов. И это помогло нам очень быстро справиться с основным делом: побывать в Прудских Выселках, в правлении колхоза им. Чапаева, дома у матери и отца Анатолия Мерзлова.

Ехали мы в редакционной

машине на Каширу. Симонов взял с собой атлас посейших дорог страны, то и дело сверялся по указателю. Каширская дорога переходила в Волгоградскую, и на ней он, пожалуй, впервые разговаривал.

— Знаете, «Дни и ночи» я на 90 процентов продиктовал в Алма-Ате.

— И сколько времени бailed извест?

— Около двух месяцев. Мой редактор сказал так:

«Писни, пока на фронте загниет. А чуть что, отзовем обратно». Вот я и торопился.

День был солнечный. По обе стороны Волгоградского шоссе уже занималась осень. Пахло дымом недавних пожаров на торфяниках.

Разговор возник лишь тогда, когда Симонов сам говорил, я не тревожил его разговорам.

Мне нравились и простота, открытость беседы, и непринужденность ее. Да иначе быть не могло, слишком большой человек и писатель Симонов, чтобы вести себя иначе.

О чем вспоминал Симонов? О готовящихся к изданию повести в 5 печатных листов и романы в 25 печатных листов. Поделаясь задумкой снять фильм к 30-летию Победы над Германией. «Но это, — усмехнулся он, — не для печати. Если получится».

— Удастся ли вам работать каждый день?

— Болею или меньше.

— Все ли вам удалось сделать из того, что задумывали?

— Пока да. Из того, что раньше задумывал, конечно, а из того, что сейчас, — нет.

Симонов рассказывал, что до 16 лет он жил в Рязани, где располагалась военная часть. Отчим его преподавал тактику,

часть кадров против банд Антонова. Отчим и наемные возмещались в окружении усталых солдат. Однажды их вернулось совсем немного. Тогда Константин, растолкав бойцов, бросился в строй... «Я написал об этом стихи...», — сказал Константин Михайлович.

В МИХАЙЛОВЕ мы зашли в райком комсомола. Секретарь Валя Копытова несколько растерялась, увидев Симонова.

Муж ее, зав. орготделом, в комсом имени Чапаева. Внимание Симонова привлек танк в центре города. Сошли с машины. Записали в блокнот номер танка и данные, что он был изготовлен в сорок третьем году, пропел от Сталинграда до Праги. Я заметил про себя, что Симонов угадал год выпуска машины по ленте башни.

Где-то в начале сорок третьего года на Урале стали отливать башни и варить швы по брове по методу Патона, а не клепать металл, как раньше. Симонов записал в блокнот все, что было на табличке. А в это время с другой стороны подошел пожилой человек с орденскими планками на простеньком пиджаке. Стоял он вместе с мальчишкой лет девяти.

Эта сцена у Симонова в очерке легла позже прекрасным лирическим отступлением.

Зашли в военкомат. Константин Михайлович интересовался, сколько людей погибло за город, сколько вообще не вернулось с войны. Сведения были разноречивые. В одном случае говорили, что погибло 5 тысяч, в другом — 11. Симонов это раздражало, но он не подавал вида, наоборот очень

спокойно, глуховатым голосом, неторопливо выспрашивал у военкома все эти данные.

ПОТОМ мы уехали в колхоз. Константина Михайловича интересовали обыденные вещи из биографии Анатолия

Мерзлова, предельно обыденные: во что был одет, как учился? Не перебивал собеседников. Когда сказали, что объявился Вагин, 42-летний тракторист, тот, который фактически оставил одного Толка с горящим трактором и не пришел на помощь, он сказал мне:

— Я не хочу с ним встречаться.

Я возразил.

— Константин Михайлович, врагов тоже нужно знать в лицо.

— Ну какой он враг? Трус.

— А трус, что, не враг?

— Можете, вы и правы. Ладно, пусть входит...

Очень уважительно, душевно как-то беседовал с родными Анатолия. Потом попросил письма. Их собрали около трехсот. Мы перебирали их. Наиболее интересные Симонов тут же перепечатывал на магнитофон. Работа с письмами заняла где-то часа полтора.

На обратном пути Константин Михайлович больше молчал, курил. Доехали до гостиницы «Юность», пообщались с тем, чтобы утром снова увиделись.

Приехал я к нему в кабинет на первый этаж. Слева кабинет, справа — комната для stenografistok. В кабинете четыре полки стеллажа заставлены книгами Симонова, выхваченными почти во всех странах мира.

Думали, советовались, какую форму избрать для материала. Как-то темой разговора стал тезис, который сформулировал бригадир тракторной бригады Сапожников: «Вы спрашиваете, нужно ли было спасать железку-трактор? А ведь на железках вся Россия стоит».

Подрастеряли этот тезис — сегодня трактор, завтра мартен, послезавтра подводная лодка и так далее. Симонову понравился такой поворот в теме, но не было еще какой-то внутренней убежденности, с чего начинать.

Симонов ходил по кабинету, курил трубку. Если что нравилось в разговоре, записывал фломастером на белых листах белой бумаги, разложенных на письменном столе.

Еще часа два мы советовались, потом пришли «инициативы». Симонов извинился: «До завтра» была суббота. Мы поговорили немножко. Я все время его торопил, зная, как ожидают этот материал в редакции.

— Хорошо, в понедельник встречаемся в двенадцать.

Он писал в воскресенье, отодвинув, как я увидел, предисловия к книжкам А. Суркова, М. Булгакова и еще к двум. Вечером около пяти часов Симонов позвонил в редакцию.

— Вчерне все готово. Давайте прочитаем утром, а то сейчас голова не варит. Я должен еще посмотреть кое-что. Утром.

Утром мы встретились. Татьяна Владимировна, секретарь-машинистка, печатала восьмую страничку. Симонов был занят в кабинете. Я взял страничку текста, по моему, четвертую.

Вошел Симонов.

— Прочитай?

— Да.

— Замечания есть?

— Да.

— Много?

— Нужно засылать в набор. Давайте подождем. Я должен показать очерк же-

МЫ ВСТРЕТИЛИСЬ около шести вечера. Потом были в редакции. Главный редактор Борис Панкин, члены редколлегии Виталий Игнатенко, Александр Пумпянский, Владимир Онищенко — все в своей манере благодарили Симонова и восхищались материалом. Не было только заглавия. У Симонова очерк назывался «Человек и железка». Он не настаивал, что хорошо. Предложил «Был верен Родине и себе».

— Да нет, не надо так, попроще. Понимаете, попроще. Подали чай. Панкин и Симонов говорили о каких-то литературных делах. Потом я проводил Симонова на встречу передовиков в Дом Герцена. Уже в машине родилось название «В свои 18 лет».

— Хорошо, — сказал Симонов, — хорошо. Обязательно передайте: «В свои 18 лет».

20 сентября очерк «В свои 18 лет» заслали в набор, а 22-го он увидел свет, став одним из выдающихся произведений о нашем современнике.

Но эти заметки не будут полными без упоминания о ночной встрече с Константином Михайловичем после того, как газета была подписана и печатана. Он позвонил по телефону и, поинтересовавшись, когда будет подписан полоса, пригласил всех дежурных к себе домой. Собралось нас человек двенадцать. Симонов, открыв дверь, любезно пригласил к столу, возле которого хозяйничал Тимур Гайдар, поймав Константина Михайловича. Сам он, в клеенчатом кухонном фартуке, вооруженный большим ножом, резал ветчину. Засиделись до рассвета.

Удивительная это была встреча. Симонов курил трубку, был задумчив, сердечно жал всем руки. Одет он был в кожаную куртку. Ту самую старую комиссарскую куртку отчима...

А. ПАЛЬМ.

«КОМСОМОЛСКИЕ ДОКЛАДЫ»
г. ДОНЕЦК

- 4 МАЯ 1980